Бесплатное приложение к газете «Трудовая Правда».

ТОВАРИЩ.

Г. ПЕНЗА.

№ 1-й. | 15 Января 1925 года.

Снова за работу!

Друзьям-читателям,
Всем моим почитателям.

Возвратившись из заг[illegible]
Шлю братское прив[illegible]

Что видел «Товарищ» в распрекрасных Европах.

(Почти по Крылову).

Из дальних странствий возвратясь,
Товарищ в Пензу вновь явился.
Чтоб поддержать былую связь,
Он по заводам в путь пустился.

К нему рабочие—толпой.
Пошли вопросы вереницей:
— Ну как, «Товарищ», дорогой,
Что видел там ты, за—границей?

— Что видел? Ох, мои друзья!
Все описать—найду ли краски?
Какие лорды там, князья,
Какая жизнь,—пестрее сказки!

На улицах—движенье, шум...
Все осмотрительно-культурно.
Припомнить—так мутится ум:
Там для плевков есть даже урна.

Живет Европа как—в раю:
Уютно, весело, богато.

Повсюду-ль, не утаю:
Буржуи есть там... в три обхвата.

А как им дышится легко!
Во всем полнейшая свобода:
Шелка, брильянты и „Клико"
На каждый день—своя есть мода.

Пойдут в театр—им первый ряд.
Везде, как боги, заседают
Они и речи говорят
И государством управляют...

— Ну, а насчет рабочих как?—
Прервал рассказчика тут кто-то
— И им живется тоже так?
Во всем—довольство и свобода?

Насчет рабочих?—вмиг сомлел
«Товарищ» и, вздохнув, ответил:
— И их «свободу» я смотрел,
Но—каюсь, братцы—не заметил

Клим.

Из моих заграничных впечатлений.

Хитрая механика.

За свое длительное отсутствие из Пензы я много путешествовал.

Исколесил вдоль и поперек весь СССР, посмотрел, что достойно внимания, побывал у кого надо и, записав все, что глаза мои видели и уши слышали,—махнул за-границу:

— В просвещенные демократические страны.

Как говорится по-русски,—народ поглядеть—себя показать.

Ну, и нагляделся-ж я там!

Особенно мне было интересно наблюдать, как подготовляется (не Коминтерном, конечно, а сам собой) „последний и решительный бой" рабочего класса с буржуазией, на какие хитрости пускается последняя, чтобы обмануть рабочих и как те во-время угадывают подвохи своего врага.

Я—человек простой и привык вещи называть своими именами.

Попал я как-то на заседание польского совета министров.

Слушал-слушал разных там управителей из буржуев да социал-демократов и спросил:

— Что-же это—выходит, вы живете по-божьи: кто кого обтяпает?

Министры обрадовались настолько, что тут же сказали все разом:

— Вот человек, который нас понимает! Не хотите-ли, „товарищ", разделить с нами власть и управлять не как у вас в СССР, а „по-божьи"?

Я поблагодарил министров и откровенно сказал:

— Когда-нибудь я с вами потолкую, а теперь мне не до того: свой отпуск, данный мне „Трудовой Правдой", я использую на путешествие по всей Европе.

И поехал дальше.

***

Для первого раза, товарищи-пензяки, разрешите вам рассказать занимательный случай, происшедший перед моим отъездом в Пензу в городе Мюлле (Эльзас).

Город спорный: сначала он был немецкий, теперь стал французский, а в недалеком будущем будет наверняка—рабочим.

Случай этот...

Впрочем, маленькое отступление.

Нам баснописец И. А. Крылов когда-то констатировал:

— „Куда на выдумки природа таровата"!

Скажу прямо:

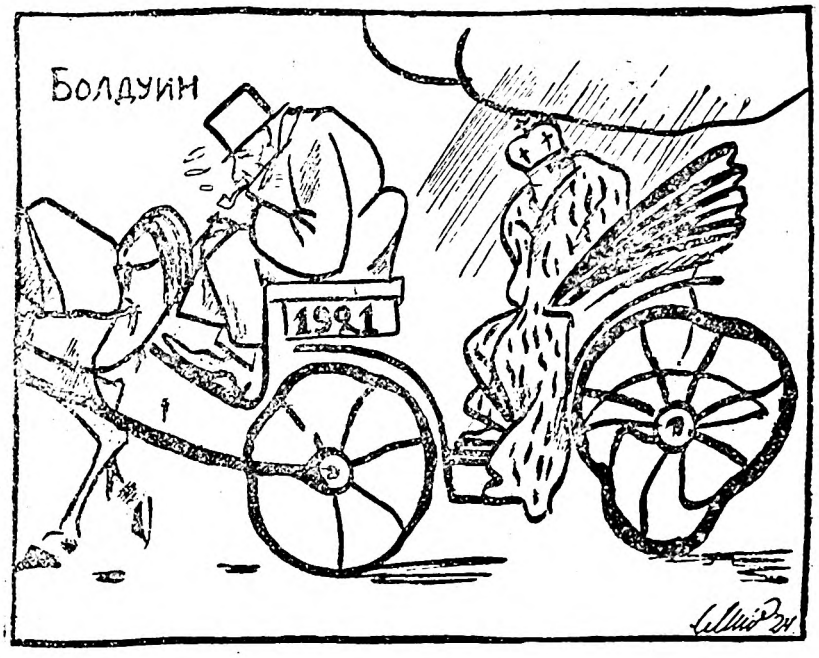
— Буржуазия еще хитрей матери-природы на выдумки.

Вот, например, вы слыхали о плане Дауэса?

План этот по существу—дневной грабеж не-

На старой пролетке.

Английский король заявил, что дальнейшие сношения с СССР будут происходить на основе старого торгового договора, заключенного в 1921 г.



Посмотрим, как далеко уедет господин король на такой пролетке и с таким кучером.

мецких рабочих, расчитанный на сто лет.

Как его оправдать перед французскими рабочими?

Сделано это было очень просто.

Арестовали жившего в том городе „на покое“ немецкого генерала фон-Нотзинуса, в котором несколько пострадавших в империалистическую войну французов будто-бы опознали того „важного немецкого генерала, который вламывался в дом с револьвером в руке и *в сопровождении пьяных солдат из рабочих* грузил все, что попадается, в специально приганный грузовик“.

Суд происходил при исключительной обстановке.

Во первых:

— Власти города Милле распорядились, чтобы предприятия этого города были закрыты на три дня, дабы дать возможность *рабочим* посещать зал суда.

Во-вторых:

— На суд прибыл хозяин буржуазной Европы и автор *плана*—американец, масса корреспондентов: американских, французских, английских, итальянских и др. буржуазных газет.

Цель суда:

— Поднять шумиху вокруг „немецких зверств“, доказать французским рабочим, что их грабили немецкие рабочие и тем самым оправдать грабеж Германии по плану Дауэса.

Хитро задумано!

Начался суд.

В качестве вещественных доказательств фигурировали фарфоровые чашки и женское платье.

Как ни старался генерал доказать свое незнание, где эти вещи купила его жена и как ни очевидно было, что они не могли принадлежать жене простого рабочего, суд стоял на своем:

— У нас есть сведения—то и дело повторял прокурор,—что вы особено охотно посещали кварталы трудящихся и отбирали у них все, до подушек включительно!

Генерал протестовал:

— Это же абсурд—говорил он по предписанию командующего армией я производил реквизиции по врученным мне спискам домов, но мы брали у людей зажиточных и то главным образом, золото и машины.

Какой же интерес нам было соваться к бедноте? Игра не стоила бы свеч.

Но прокурор был неумолим:

— „Боши“ делали все, чтобы затруднить положение наших трудящихся— повторял он несколько раз в продолжении трехдневного процесса.

Согласно замысла, о пострадавших капиталистах не было сказано ни слова.

Говорили только о рабочих.

Зачем?

— Чтобы разжечь военную ненависть к немцам и заставить французских рабочих признать план Дауэса.

* * *

Не будем касаться всех подробностей процесса; они отвратительны, хоть немецкий генерал и стоил того, чтобы его погладили против шерсти.

Важен замысел.

И он, к великому огорчению французской и союзной буржуазии, не удался:

— Несмотря на трехдневный отдых, ни один рабочий на суд не явился.

Вместо этого, как я видел собственными глазами, рабочие отправились на митинг, организованный коммунистами и посвященный вопросу „о предотвращении новой войны".

Суд приговорил Нотазнуса к расстрелу.

А в это время рабочие митинги принимали резолюции:

— Наш классовый суд делает такое-же подлое дело, как во время войны делали немецкие, французские, английские и иные прочие генералы.

Одним словом:

— Французские рабочие, кто за „немецкие зверства?" Поднимите руки!

Никто.

— А кто за классовую солидарность пролетариата всех стран?

Все.

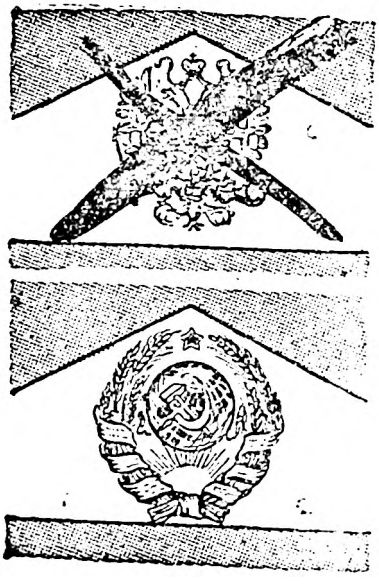
Порадовался я сознательности французских рабочих и простился с ними в твердой уверенности встретиться при более счастливых обстоятельствах.

——

Следующее мое повествование будет о том, как меня встретили.... „наши за-границей" и что из того вышло.

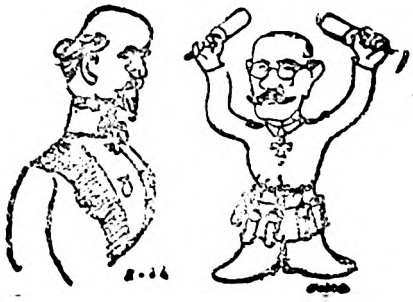
Диктовал „*Товарищ*", а записал его личный секретарь *Семен Молотобойцев.*

Был, да весь вышел.



На нашем рисунке изображена средняя часть фасада советского посольства в Париже. Наверху—в прежнем виде, с царским двухглавым орлом; внизу—с гербом СССР, который на днях заменил собою орла. До самых последних дней самозванный „посол" Маклаков, „представитель демократии", тщательно сохранял царский герб над дверьми здания.

Убийцы Либкнехта и Люксембург.



Социал-демократы Филипп Шейдеман и Густав Носке.

Первый из них был в 1919 г. главой правительства, подготовившего убийство Карла и Розы. Второй—был военным министром, за зверские расправы с рабочими прозван в Германии «Кровавой собакой».

Нынешний германский президент социал-демократ Фриц Эберт.

(С рисунка Георга Гросса).

В белой Эстонии.

— За что был расстрелян Ян Томп?

— За то, что он назвал эстонское правительство правительством негодяев и мерзавцев.

— Но, ведь, это—же просто словесное оскорбление...

— Какая там «словесность»! Явное разглашение государственной тайны.

Кл.

Неотложная задача.

(С рисунка Д. Моора).

Утешила...

Читал дьякон евангелие в церкви, да так громко, что, прибыли ради, все свечи позатушил на подсвечниках:

— Огарки тоже доходная статья!

Слышит, позади него кто-то плачет.

— Ага, восчувствовала — думает дьякон, выводя звук „о" и угадывая в плачущей знакомый голос бабки Акулины.

Чем выше забирался дьякон, тем сильней были всхлипывания, перешедшие под конец в рыдания.

После, когда служба кончилась и дьякон выходил из церкви, он самодовольным тоном спросил Акулину:

— Что, бабка, плакала? Ужели я так чувствительно читаю?

— Еще бы, отец ты наш...

Горе мое сердечное разбередил ты своим голосом. Теленочек у меня издох третьеводни. Ревел точь-в-точь, как ты сегодня. — Вот и вспомнила...

Звонарь.

Приветствия „Товарищу".

НАШИ ПОЖЕЛАНИЯ „ТОВАРИЩУ".

Узнав по об'явлению о возникновении «Товарища» и помня прежние его заслуги, мы, дети рабочих фабрики «Искра», желаем ему от всего чистого детского сердца еще большего успеха. «Товарищ»! устраивай почаще красивую порку для совдураков и прочих разгильдяев, хлещи по старому с пог и до ушей всех учрежденских оболтусов. Для этого мы тебе даже нарезали из нашего сада четыре вязанки колючего шиповника, которые и препровождаем при сем письме. Но, давая нравоучительные и научные уроки для взрослых, не забывай и нас, детей. Помни, что родители детям идут всегда на уступку,— это надо учесть. Мы, ведь, будем новая армия друзей в деле подписки на «Трудовую Правду».

С коммунистическим приветом: Ж. Полякова, К. Нефедова, А. Косолапова, Маруся Макарева.

Фаб. «Искра».

Посвящается „Товарищу" (вновь воскресшему).

Встань, проснись, подивись
На поля и на лес:
Как деревья сплелись,
Словно спутал их бес.

А родные поля
Поросли все травой.
Не дождутся тебя,
Спят в тоске гробовой.

Встань, «Товарищ», мой друг,
Взмахом сильным плеча
Возьмись крепче за плуг,
Помни клич Ильича.

Лес очисть, расплети
И тропинки пророй,
Где темно—освети
Своей красной зарей.

Все очисть от корней
И от сорной травы,
Сил своих не жалей,—
Борозди среди тьмы!

Инвалид А. В. Четвертаков.

Пионерский привет.

Эй, «Товарищ» дорогой,—
Мы приветствуем
Пятитысячной толпой
Пионерскою!

***

День сегодня для всех
Знаменательный:
Ты поднимешь везде смех
Привлекательный.

***

Только будет у нас
Предложение:
Ты открой-ка сейчас
Отделение.

***

Ты открой нам отдел,
Чтоб он был по душам.
Сидеть будет каждый в нем,
Кто мешает нам.

М. Шитов.

Здорово, „Товарищ"!

Эх, здорово, «Товарищ» родимый!
И куда ты от Пензы ушел?
Был, наверно, ты в Польше, в Берлине
Все же нас не забыл и пришел.

О тебе мы страдали, «Товарищ»,
Говорили: мол, он не придет;
Говорили, что к нам не причалишь,
Говорили, что там он умрет.

Что ты делал, «Товарищ», в Берлине?
Чай, фашистов за хвостик дразнил?
И, наверно, бывал ты в Харбине
И в Париже, наверно, побыл?

И, наверно, на выборе властей,
Консерваторов—лордов бывал?
Много-много, наверно, напастей
За-границей ты там увидал.

А видал-ли, родной, Макдональда,
Как в отставку пошел тот домой?
Много новостей, книг и журналов,
Вероятно, привез ты с собой.

В Пензе нового много увидишь:
Да смотри—наш завод навещай!
Приходи,—много там ты услышишь.
Но пока же—прощай.

Н. Федюшов.

ИЗ АЛЬБОМА ПОРТРЕТОВ И ШАРЖЕЙ.

Тов. Архангельский, главнокомандующий Пензенскими воздушными силами (председатель Пенз. отд. ОДВФ).

„Портрет".

Умер старый нэпман Живоглотов.

С первых же дней затосковала по нем старуха, а вспомнить его не по чем: От жадности Живоглотов не оставил после себя ни карточки, ни портрета. Посылает старуха старшего сына к живописцу, чтоб заказал портрет с отца.

Живописец отказывается писать портрет.

— Да вы не сомневайтесь—просит сын: не беда, что не с чего писать: я вам расскажу тятинькино обличие и портрет выйдет по первому сорту на все 100,⁰

— Ну, хорошо, описывайте—соглашается живописец.

— Первое—говорит сын: Хоша и отец он мне, а прямо скажу: вид у него был зверский Так и изобразите. Волосы на манер как—бы топором обрубуемы, нос картошкой с краснотой, глаза малого размера и увиливают, вроде от финотдела, щеки пухлые, борода лопатой, костюм обыкновенный. Через три часа портрет Живоглотова в натуральную величину был готов. Обернув его газетами и перевязав бичевками, сын отправляется домой, радостный от одной мысли: какое удовольствие он доставит матери.

Пришел.

Судорожно и нетерпеливо сбрасывает старуха газетный покров с портрета и начинает рассматривать его.

А потом вдруг как взвоет:

— Роди—и—мый! И что это с тобой сталось-то? Двух недель не прошло, как умер, а на чего изменил—и—лся. Даже узнать нельзя. *Жало.*

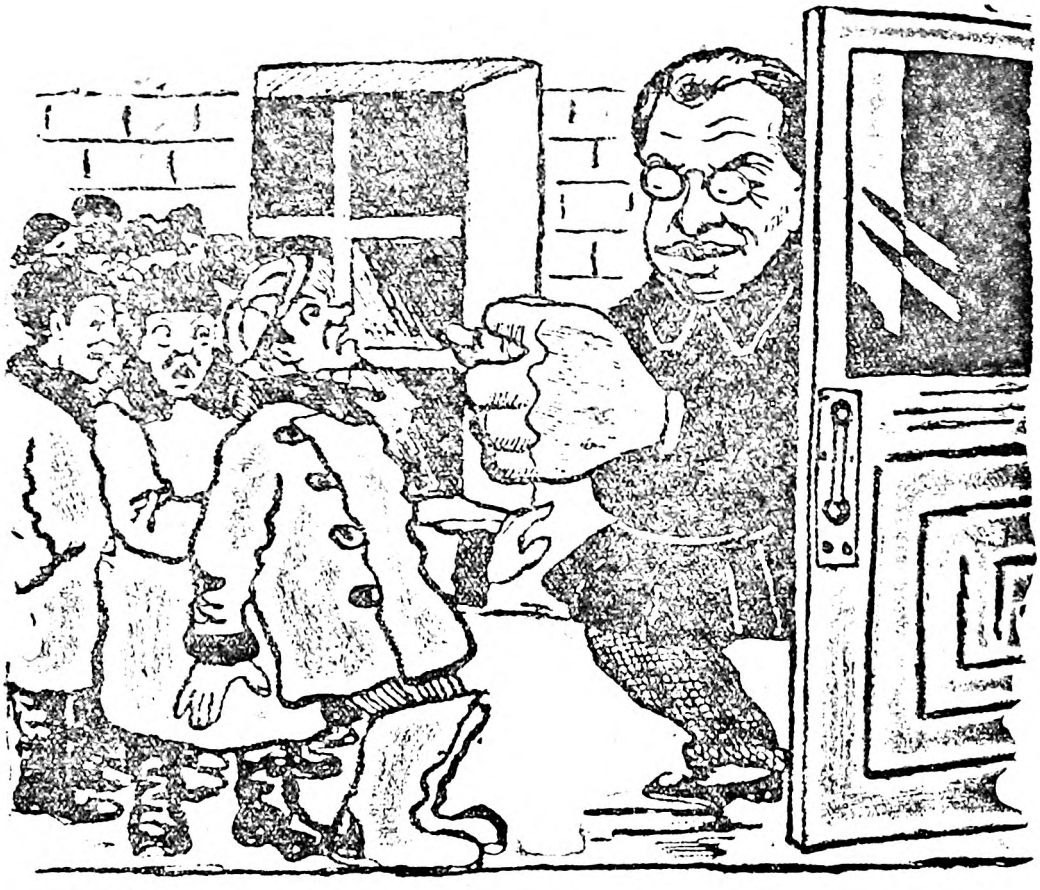
БАТЬКИНО РОЖДЕСТВО.

И в „яслях" его возлежа „младенец".

От кого книга, а от Нардома—фига.

В день 5-ти летия со дня издания декрета о ликвидации неграмотности, после торжественного заседания, на котором чествовались герои, ликвидировавшие свою неграмотность, Губполитпросвет выдал группе этих героев бесплатный пропуск в Нар. Дом. „Главный администратор" отказался пустить их в театр.

(Из пензенской хроники).



Администратор.—А это вот вам—лично от меня приветствие.

Из прошлого.

Коллективная жалоба.

Дело было лет тридцать тому назад.

Проезжал через Иркутск в Японию будущий Николай кровавый, тогда еще „наследник".

Заморенные интендантством и запуганные отеческими внушениями г.г. офицеров, солдаты решили на смотру пожаловаться на плохую пищу.

— Ребята—уговаривались они: лучше откажемся от царского подарка, а своего добьемся. Жаловаться все, как один.

Вышел Николай на смотр.

Солдаты стоят мешки мешками: не стройно, выправки никакой, отощалые, у одних голова на бок, у других неестественно закинута назад, у третьих—склонилась на грудь; у всех дрожат колени.

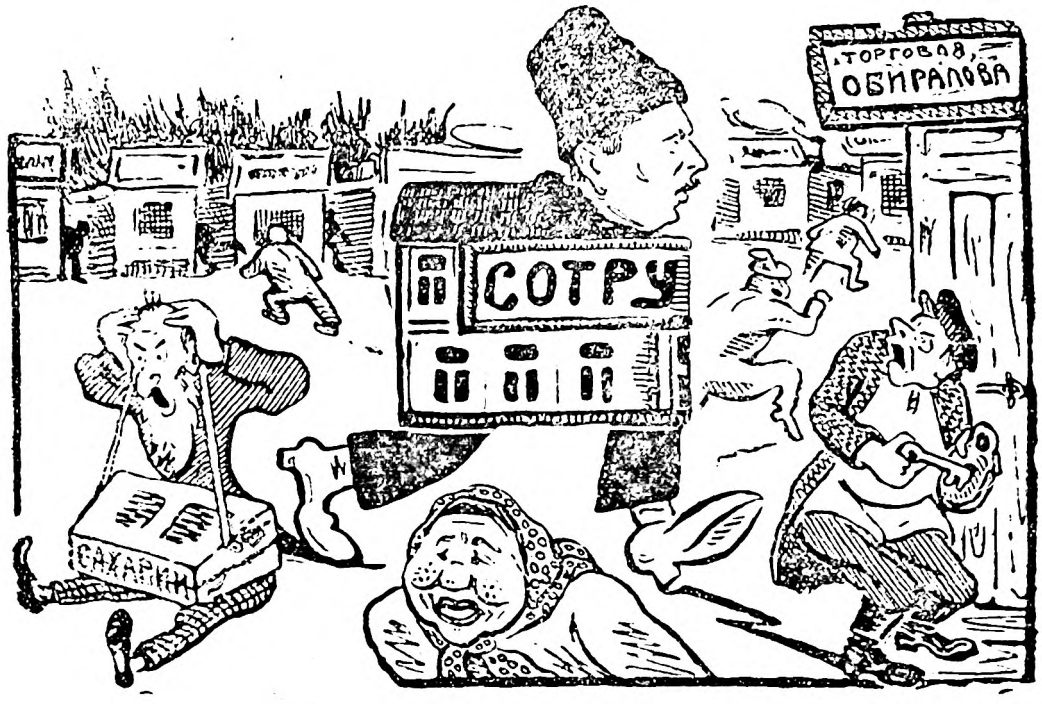
— Вы что, сукины сыны, так стоите!—крикнул Николай: я вам головы порублю!

— Нам, ваше царское благородие—в один голос гаркнули тысячи голосов—по рублю не надо—нам каши побольше!

Старый солдат.

Гроза частного рынка.

Кооператив „Сотрудник", еще летом, в дни горячки хлебных цен, успешно выступивший в борьбу с частным рынком, с каждым месяцем развивает свою деятельность, открывая новые отделения.



Обираловы всех сортов:—Караул! «Сотрудник» идет. Всех нас сотрет!...

Многополье.

(Частушки).

Нет у тятьки пятака,
У мамки—иолки...
Так и будем жить, пока
Вязнем мы в трехполке.

* *
*

Эх, битком набит нардом
Среднякали, голью,
Призывает аироном
Всех к четырехполью.

* *
*

Не слушайтесь, тятька, мать,
Дельного совета.
Не начнет земля рожать
На трехполке этой.

* *
*

К многополью переход,
Знать, тяжел не очень,
Ведь советский наш народ
Очень дюже прочен.

* *
*

Мы корявым кулаком
Стукнем по трехполке.
Будет тятька с пятаком,
Маменька с иолкой.

А. Н.

Горькая истина.

Нэпман: Я тоже работаю на кооперацию.

Фининспектор: Вы? Не понимаю.

Нэпман: Да, я работаю на кооперацию: 75% всех моих товаров раскупают первичные кооперативы.

Э.

РАЕК.

На складе райсоюза потребительских об-в получены железные койки для низовой крестьянской кооперации, но так как крестьяне в них не нуждаются, то они никуда и не идут, а деньги на них затрачены. Потом куплена мука пшеничная, никуда не годная и лежит она на складе уже с полгода.

Подходи, ребята, к райку новые картинки смотреть, все отменные новинки, даже самому приятно вертеть. Гляди! Вот вам магазин Пензенского райсоюза. И до чего в нем много разного груза! Есть и изюм, и курага, и гвозди, и мыло, и самовары, и шило, и гребенки, и пудра, и духи и много другой чепухи, словом, полны полати. А есть еще и кровати: в Самаре (и, говорят, деньги за них не малые слуплены) председателем куплены. «Вишь, будто-бы мужики на соломе спать больше не хотят, потому что бока болит». А у крестьян на счет этого совсем другое соображение. И стоят кровати без всякого движения. А вот и еще картинка нашего кооперативного рынка. Член правления купил дешевой муки, чтобы, значит, пирогами побаловались наши мужики (по праздникам). Мука хорошая, белая, а главное—дешева. Но кто ее покупал,—где у него была голова? Ведь, из этой муки, как ты ее ни пеки, получается только замазка. И это, вам братцы—быль, а не сказка.

Затратили капитал трудовой, и никому нет до этого нужды никакой.

Товар лежит, а день за днем бежит да бежит. Однако, кооператоры наши не долго тужили: взяли да муку... в банк заложили. Там, ведь, не знают, что она никуда не годится, а деньжонками под нее можно ссудиться.

А когда мужички спрашивают: «Где же нам деревенского товара найти?»—правление отвечает: «Сейчас нет, но... находится в пути».

«Товарищ!» Хоть ты, что-ли, их аппарат подвинти.

Дедушка Конфуз.

Неходкий товар

Крестьянин (заведующему складом Пенз. Райсоюза)—М-да! Хороша товар у вас и о шести ногах, а... в деревню не пойдет...

ИЗ ИСТОРИИ НАШЕГО КРАЯ.

Отец Ленина в Пензе.

Помещаемый здесь портрет Ильи Николаевича Ульянова (отец В. И Ленина) относится приблизительно к тому времени жизни Ильи Николаевича, когда он был в Пензе.

Как теперь уже точно установлено, во второй половине 50-ых годов прошлого столетия по окончании Казанского университета Илья Николаевич Ульянов поступил преподавателем математики в быв. в то время в Пензе дворянский институт.

Несмотря на свою „вывеску", этот институт не пользовался особым благоволением дворянства.

Дворяне-крепостники того времени смотрели на знания, на просвещение свысока, „сверху вниз", как на удел крепостных и разночинцев „А дворянину... на что все это?.. Для чего Митрофанушке география, на это извозчики есть...

Поэтому ясно, в какую тяжелую и душную обстановку попал Илья Николаевич на первых же шагах своей общественно-просветительной работы Но что он не был похож на остальных „человеков в футляре," что это была натура, стоящая неизмеримо выше окружающей среды, об этом говорят красноречиво те многочисленные документы, которые удалось недавно отыскать нашему губархиву.

Не менее тяжелы были и материальные условия, среди которых приходилось работать Илье Николаевичу. Из документов, например видно, что при переводе своем от нас, в Новгород Илья Николаевич не имел возможности даже выехать из Пензы и искал, где бы призанять денег на дорогу.

Илья Николаевич Ульянов.

Однако, несмотря на эту обстановку, деятельность Ильи Николаевича была полна разносторонней энергии и далеко выходила из институтских рамок.

Подробно об этом будет рассказано в той полной биографии Ильи Николаевича, которая в настоящее время подготовляется к печати его дочерью (сестрой Ленина) А. И. Ульяновой-Елизаровой. Здесь же мы хотели бы отметить лишь то научное значение, которое И. Н. имел для Пензы.

Именно:

Илья Николаевич является одним из первых основателей метеорологических наблюдений в Пензе (наблюдения над изменениями погоды и особенностями климата, с целью выяснения их влияния на природу и хозяйство местного края) и с 1855 года был наблюдателем Пензенской метеорологической станции. Работы его в этом отношении имеются частью в Казанском университете, частью в Ленинградской геофизической обсерватории Все эти метеорологические работы Илья Николаевич вел совершенно бескорыстно, и притом на протяжении нескольких лет, движимый лишь одной беззаветной любовью к свету и к знанию.

Проф Купфер остановил на них особое внимание и опубликовал их в своих специальных трудах.

В наступившем 1925-ом г. исполняется 70-летие организации местной метеорологической сети

В ознаменование юбилея Пензенское метеорологическое бюро (при губземуправлении) решило почтить память своего основателя и обратилось к А. И. Ульяновой-Елизаровой с просьбой, если возможно, прислать портрет ее отца, относящийся ко времени его работы в Пензе.

А. И. Ульянова-Елизарова исполнила эту просьбу и портрет Ильи Николаевича будет в день юбилея помещен в том научном учреждении, на основание которого он положил немало труда.

В. Н

ЛИТЕРАТУРНАЯ НЕДЕЛЯ.

Литературный вечер.

Приехавшие из Москвы поэт Борис Ковынев и беллетрист Иван Ростовский устраивают вечер *современной литературы* во Дворце Труда, в пятницу, 16 января.

Стихи Бориса Ковынева.

Деревенское горе.

(На смерть Ильича.)

Налетала вьюга сгоряча,
Под деревней выла у околиц.
А в избе о смерти Ильича
Говорил приезжий комсомолец
Закоптел досчатый потолок,
Приуныла хилая избушка.
И, укрывшись в дальний уголок,
Потихоньку плакала старушка
Заблестели капельками слез,
Задрожали бороды седые...
А из хаты плакать на мороз
Выходили парни молодые
Да и ты, рассыпав волоса,
От подруг укрылась в уголочек,
И свои весенние глаза
Боязливо спрятала в платочек
Опустила голову на грудь,
Затаив страдание и жалость.
А еще сегодня поутру
Парнечку весело смеялось.
Налетала вьюга сгоряча,
Под деревней выла у околиц.
В избе о смерти Ильича
Досказал приезжий комсомолец
Ах, не даром вьюга под конец
Заиграла траурные такты...
Знаю, знаю: умер бы отец—
И о нем не плакала-бы так ты.

Борис Ковынев.

Деревня.

Гой-ты, вьюгами обиженный,
Занесенный край...
На дворе под самой хижиной—
Снежный каравай.
До апреля солнце слопали
Вьюги да мороз.
И уныло жмутся тополи
К веточкам берез.
У околиц тын да вороны,
Ветер у двора.
А вокруг в четыре стороны
Степь да хутора

Борис Ковынев.

О литературной группе „Перевал"

Литературная группа „Перевал" организовалась в Москве в середине 1924 года. С момента своего рождения группа „Перевал" поставила своей задачей внести в литературу ценный в смысле своей агитационной-полезности и в тоже время вполне художественный материал. Группа „Перевал" с первого же дня своей организации начала быстро разрастаться-за счет сильных, уже обрабатавшихся литературно товарищей.

Члены группы „Перевал" в большинстве своей комсомольцы или партийцы. Ими издается альманах, который носит название группы. В провинции в бюро группы „Перевал" начинают поступать письма-с извещениями об организации литературных групп, ставящих перед собой теже задачи и с просьбой о присоединении их к Московскому „Перевалу" в данное время таких групп по провинции насчитывается 5, при чем возникли они совершенно самостоятельно, по своему почину и без организационной помощи центральной московской группы.

Член бюро группы Борис Ковынев.

ШЛИТЕ МАТЕРИАЛ!

Товарищи **рабкоры и селькоры!**

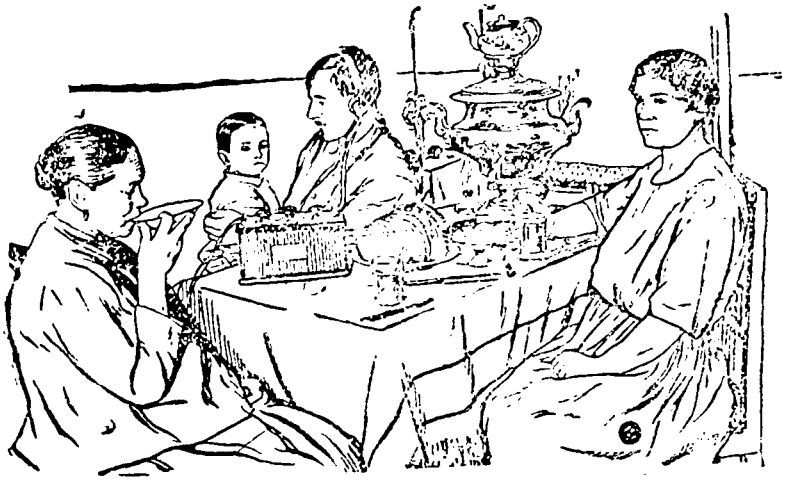
Вокруг нас мусора—еще горы,

Давайте-ка его—долой

Нашей товарищеской метлой.

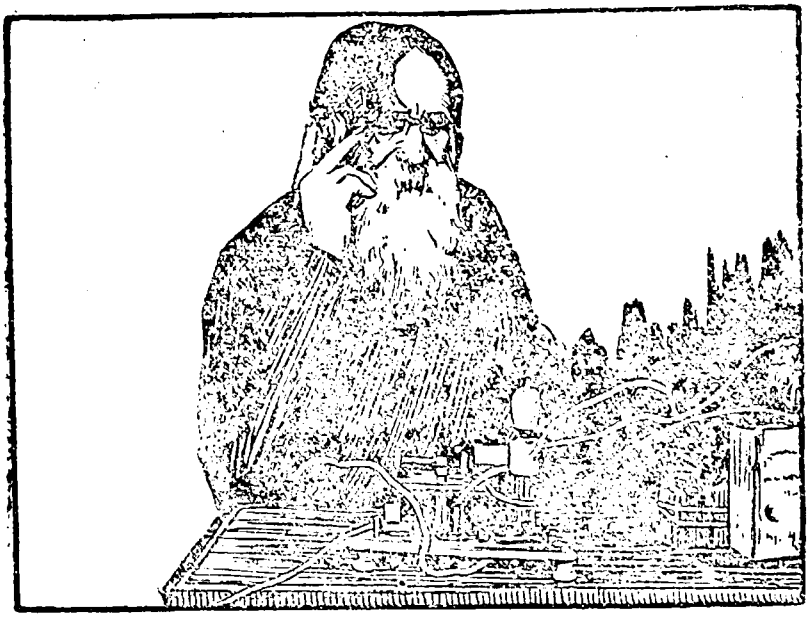
НОВОСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ.

Радио в рабочей семье.



Благодаря дешевизне радиоприемников, выпущенных электротрест., они вполне доступны для рабочих и служащих. Приятно, вернувшись с работы, распивая чай, слушать „радиогазету", или концерт, или лекцию тов. Луначарского.

Радио в деревне.



Значительная сила вещательных радиостанций Москвы позволяет пользоваться радиолюбительскими приемниками в районе 150—200 верст от города.

На нашем снимке—старик крестьянин слушает радио-концерт. Дело происходит в дер. Малеево, Моск. г., где силами шефа произведена радио-установка в избе-читальне.

Древние города под Сухумом.

Несколько лет тому назад в Сухуме местные археологи-любители обнаружили, что под территорией города, в земле, находится другой город. Что это за город—до последнего времени оставалось неизвестным.

Недавно научной экспедицией установлено, что погребенный под Сухумом город есть тот древний Севастополь, местонахождение которого долго безуспешно разыскивалось.

Пока удалось обнаружить два наслоения: постройки, относящиеся к эпохе римлян, и еще глубже—древний город, построенный, как полагают, выходцами из Милета.

Авиация и микадо

В Японии издан приказ, запрещающий летчикам как военным, так и гражданским, летать над дворцом микадо под страхом смертной казни.

Очевидно, „дарованная небом" власть в наш век оказывается недостаточно застрахованной именно со стороны неба.

Мост между Францией и Англией.

В ближайшем будущем предполагается начать постройку моста между Францией и Англией—через Дуврский пролив. Это будет первый в мире по величине мост. Длина его будет достигать 45 километров.

Живой свет

Все знают нежный зеленоватый свет светящихся червячков. Это самки манят к себе самцов. Много пород жуков обладают таким же свойством светиться в темноте, а наиболее крупная порода „светляков" жирофоры на Антильских островах и в Мексике обладают таким сильным светом, что туземцы пользуются ими, как фонарями, для освещения своих хижин.

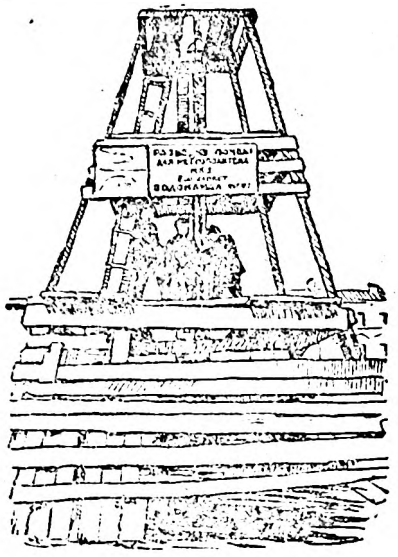
Но самое волшебное зрелище, какое может дать живой свет—это, конечно, светящиеся морские волны, когда на них появляются ночью бесконечные микроскопические водоросли и мелкие моллюски и среди них медузы бросают свои голубые, зеленые, желтые лучи.

Под этой волнующейся поверхностью, куда не проникают лучи солнца, также живут странные существа, освещающие морскую ночь. На глубине 4—5 тыс. метров открыты настоящие леса морских животных, горгон и морских полипов, которые под влиянием раздражения бросают лучи фиолетово-голубых и красно-оранжевых огней. Огромная горгона, извлеченная из этих глубин, испускает на борту парохода такой сильный свет, что в шести метрах можно свободно читать.

Во время исследования морских глубин удалось добыть светящиеся звезды, необыкновенных рыб и осьминогов, усеянных светящимися органами удивительного совершенства. У них, кроме очага света, есть нечто вроде рефлекторов и они могут менять цвет своего фонаря.

Какова же природа этого живого света? Откуда он является? Можно-ли воспроизвести его искусственно? На эти вопросы дал ответ в своих исследованиях Дюбуа, французский физиолог. Анализируемый под спектроскопом животный свет обнаруживает лишь наиболее яркие лучи спектра—желтый, зеленый и иногда—красные, голубые и фиолетовые. Химическое и тепловое лучеиспускание настолько ничтожно, что Дюбуа называет его „холодным светом". Его источник находится в живых клетках всех светящихся существ. Здесь налицо химическое соединение продуктов двух особых клеток, и Дюбуа, открывший их, воспроизводит свечение искусственно, вне животного. Пред нами—явление световой химии, живая лампа, дающая свет, благодаря химическим процессам, совершающимся внутри нее.

Оборудование красной столицы.



Уличное движение в Москве непрерывно растет и обещает в ближайшие годы превысить все возможные границы. Трамваи уже еле вмещают всех нуждающихся в поездке. Московским комхозом поэтому приступлено к постройке метрополитэна (подземной железной дороги) по образцу Парижа и Берлина. На нашем снимке изображена одна из бурильных вышек на Лубянской площади.

СМЕСЬ.

■ Житель гор. Шемахи (на Кавказе), некто Савельев, предложил Сонаркому Азербейджана за соответствующее вознаграждение указать место зарытия клада древнего царя Александра Македонского.

■ В Литве живет старик 145 лет, который хорошо помнит и рассказывает о нашествии французов в 1812 году.

■ Проф. Штейнах в Австрии произвел операцию омоложения 68 летней старухи, которая едва могла ходить, а теперь ездит верхом.

■ Французские химики открыли новое усыпляющее средство, превосходящее употреблявшийся до сего времени для усыпления (при операции) хлороформ, и притом совершенно безвредное для сердца.

■ В американских таможнях прибывающих пассажиров для обнаружения контрабанды просвечивают рентгеновскими лучами (таким путем можно обнаружить вещи, спрятанные в карманах и складках одежды).

■ Молодой врач хирург Тимофеев произвел редчайшую операцию удаления желудка. Сейчас больная совершенно оправилась и чувствует себя превосходно. Один из виднейших русских врачей профессор Розанов говорит, что человек свободно может жить без желудка, нужно только тщательное наблюдение за пищей.